

История в лицах

Взлёты и падения Виталия Гассельблата

Это, пожалуй, самая трагическая судьба человека, сделавшего неоценимый вклад в создание Магнитки

Окончание.
Начало в № 57.

Бессменный руководитель музея треста «Магнитострой» Любовь Ивановна Подлужнова любезно предоставила мне бесценные документы, копии писем-отчётов Виталия Гассельблата из Америки. Эти пронзительные послания ясно показывают, какая сложная, даже, без всяких прикрас, тяжеленная работа велась тогда в далёкой, не очень ласковой стране горсткой наших специалистов. Первое письмо из Нью-Йорка, датированное 28 февраля 1930 года, адресовано М. К. Ошвинцеву, одному из руководителей тогдашнего советского правительства.

Борьба за проект

«Уважаемый Михаил Константинович!

Сегодня 10 дней, как мы приехали в Америку. Дорогу перенесли благополучно, если не считать некоторых задержек с американской визой в Берлине для Смольянинова.

Результаты десятидневного нашего здесь пребывания чрезвычайно ничтожны. В смысле переговоров с интересующей нас фирмой вопрос находится на точке замерзания. Я очень опасаясь, что дальнейший ход переговоров может не только задержать, но и сорвать наши планы и наши сроки.

Задания для завода, чтобы разговаривать с фирмой, не было дано. И только вчера на наш телеграфный запрос получили ответ, что задание для фирмы – 2,5 миллиона тонн. Предварительное письмо, выданное Мак-Ки, указывало объём завода 1,1 миллиона тонн, до нашего приезда фирма сообщила – 1,6 миллиона тонн, и теперь мы должны будем сообщить третью цифру. Вы поймёте то неудобство, которое вытекает от подобной неустойчивости.

Мак-Ки категорически заявил, что намеченный размер гонорара в 2,25 миллиона долларов для нового задания для завода в 1,6 миллиона тонн не может быть принят, и назначил сумму в 3 миллиона долларов. Об этом мы сообщили Москве, проса дать директиву. Ответа пока нет. Вчерашняя телеграмма с новым заданием в 2,5 миллиона тонн, естественно, вызывает и новый размер гонорара фирмы...

Физически чувствую себя неважно, нет сна, и болен экземой. Морально ещё хуже, нет той устойчивости и конкретности в наших установках, которые больно отзываются на всей нашей работе. Шлю привет вам и прошу передать такой же уральским работникам».

Приведу ещё короткое письмо, датированное 11 марта 1930 года и адресованное Чингизу Ильдриму, незадолго до этого назначенному заместителем начальника Магнитостроя, который круто взялся за дело и в конце февраля перевёл своим приказом всю контору управления из Свердловска на строительную площадку. Эта несколько преждевременная мера вызвала неоднозначную реакцию магнитостроевцев, уже свикшихся с неспешным, полудремотным течением дел в конторе. Своим письмом-отчётом руководителем, находящимся в Америке, Чингиз, видимо, придавал

оптимистическую тональность. Отсюда и такой ответ.

«Дорогой товарищ Ильдрим! Ваши бодрые письма и сегодняшняя телеграмма немного встряхнули нас. Всеми силами тянет туда, к вам, где делается настоящее дело.

Перед отъездом я условился с М. К. Ошвинцевым, что буду писать краткие письма через 10 дней; решил, чтобы не повторяться, посылать вам копии этих писем.

Из писем вы увидите, как тянется наше дело, и я сильно опасаясь, что мы с проектом пропустим все сроки и застопорим темп нашего строительства. Самочувствие самое паршивое. Нажимаем, где можно, но многое не в нашей власти. Просьба к вам посылать к нам в Нью-Йорк наши информационные листки и «Магнитогорский рабочий».

Из нескольких последующих писем Гассельблата следует, что длительное время не решался в советском правительстве вопрос о переводе 100 тысяч долларов предоплаты от общей суммы гонорара фирмы «Мак-Ки» за проектные разработки. Общий размер этого гонорара в результате длительных переговоров был определён в два с половиной миллиона долларов. А без предоплаты фирма категорически отказывалась начинать проектные разработки для Магнитостроя. Очень беспокоил Виталия Алексеевича уровень квалификации проектировщиков фирмы «Мак-Ки». Оказалось, что никто из них, даже приглашённый со стороны главный специалист, не имел опыта проектирования заводов такой большой мощности. Каждый день Гассельблат, с присущей ему догадливостью составлял в Кливленде, где располагалась главная контора Мак-Ки, подрывные отчёты о проводимых здесь работах.

Кругом одни враги

Дела на строительной площадке складывались неважно, если не сказать, хуже некуда. Направленным решением Политбюро ЦК ВКП(б) на Магнитострой комиссия под руководством заместителя управляющего объединением «Новосталь» Я. П. Шмидта констатировала полный провал программы строительства 1929 года. Отсутствие централизованного управления и единого плана строительных работ по общей проектной документации приводит к распылению средств, строительных материалов и рабочей силы, что неизбежно ставит под угрозу срыва и программу тридцатого года.

Сокрушительная справка комиссии Я. П. Шмидта, подготовленная по материалам проведённой проверки, означала конец пребыванию В. А. Смольянинова на посту руководителя Магнитостроя. Ни Политбюро ЦК ВКП(б), ни правительство не признали своих ошибок в обеспечении безусловного выполнения своих же решений. «Стрелочник» был определён, оставалось только дожидаться его возвращения из длительной зарубежной командировки. А для срочного исправления дел на Магнитострое в лучшую сторону на стройку был отправлен Я. П. Шмидт, поскольку он выявил проблемы, ему их и решать. В июне 1930 года он прибыл на Магнитку с большой группой инженеров, специально подобранных ему в помощь для укрепления руководства Магнитостроя.

Четыре года спустя в своих воспоминаниях о периоде работы на

Магнитострое Яков Павлович напишет, что Гассельблат был «активным вредителем Магнитки». Судьба В. А. Гассельблата тоже была решена, просто «смущала возможность напугать его в Америке». Такой холодный расчёт – пусть сделает всё полезное, что сможет, а башку оторвать ему мы всегда успеем.

Вернувшись осенью тридцатого из американской командировки, буквально убитый увиденным на строительстве завода, Виталий Алексеевич тут же высказал своё неудовольствие. «Кто придумал начать строительство на коксохиме с восьмой коксовой батареей? Где первая доменная печь, а где восьмая батарея? Между ними больше километра расстояния. Как вы собираетесь передавать кокс с этой батареей на первую домну? Транспортировку галерею постройте? А в какую копеечку это влетит, вы не подумали? А как это скажется на себестоимости чугуна?»

Много разных вопросов задавал Гассельблат и получал на них бестолковые ответы. Таким взбешённым и одновременно бессильным и потерянным Виталий Алексеевич был, наверно, первый раз в жизни. Собрался и поехал в Москву.

Не доехал. Арестовали его прямо в поезде.

Прочитав официальный ответ прокуратуры Свердловской области на запрос сына и внука В. А. Гассельблата о его реабилитации. Документ датирован 11 апреля 1991 года. «Уважаемые Эрик Юрьевич и Герман Витальевич!

Ваш дед – Гассельблат Виталий Алексеевич, 1879 года рождения, был арестован органами ОГПУ 4 ноября 1930 года и обвинён в том, что, «будучи до 1925 года членом Президиума и начальником технического отдела Уралоблсовнархоза, организовал и возглавил контрреволюционную группу специалистов, как в Уралоблсовнархозе, так и на местах и совместно с ними по указанию бывших владельцев вёл подготовку для сдачи в концессию прежним владельцам ряда крупнейших Уральских заводов.

В конце 1926 и начале 1927 года по указанию Московского центра к.р. организации (ЦК «Промпартия») организовал Уральский инженерный центр, возглавил его, руководя одновременно вредительской работой к.р. организации в «Уралгипрометзе».

Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года за совершенные указанные преступления подвергнут высшей мере наказания – расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на десять лет. Проверкой установлено, что Гассельблат репрессирован необоснованно. Никакой контрреволюционной организации специалистов в системе Уралоблсовнархоза не существовало. Дело сфальсифицировано бывшими работниками ОГПУ.

Заключением прокурора области на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года постановление ОГПУ от 8 августа 1931 года признано незаконным. Гассельблат В. А. реабилитирован полностью. Прилагается и сохранившаяся фотография Гассельблата».

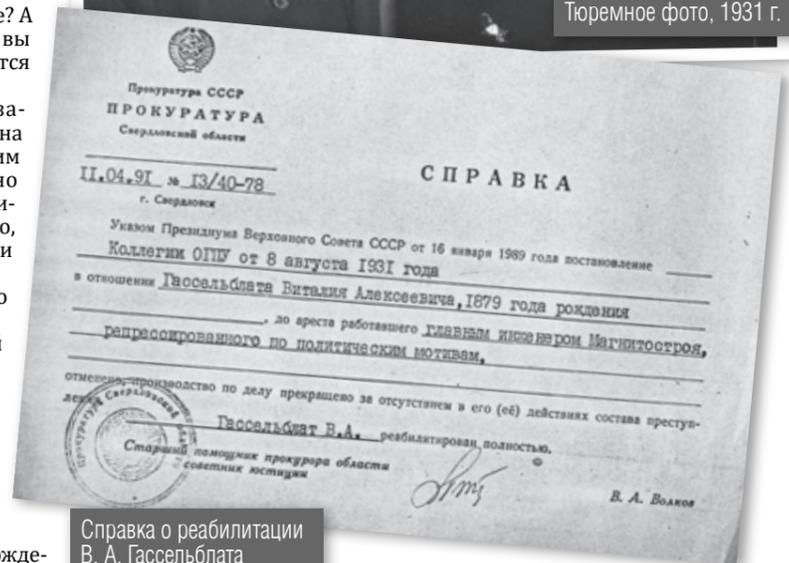
Вот таков был ответ за подписью старшего помощника прокурора Свердловской области, советника юстиции В. А. Волкова. В семье Виталия Алексеевича были убеждены,

Виталий Гассельблат с женой

Виталий Гассельблат. Тюремное фото, 1931 г.

Справка о реабилитации В. А. Гассельблата

что никогда и ни в чём он не был виноват перед законом и страной. А официального признания этого непреложного факта семья много лет добивалась для установления справедливости.

«Верю в новую жизнь»

Ещё в ноябре 1930 года, сразу после ареста Виталия Гассельблата его жене Марии Дмитриевне был передан узкий обрывок бумаги с короткой запиской.

«Дорогая моя! Знай, что я никогда сознательно не вредил, ни в каких организациях не был, денег никаких не брал. Все мои показания и показания против меня – результат психоза, который ты поймёшь. Поинимая, простишь меня. Знай, что всеми силами души я за новый мир. Об этом ты должна молчать и никому не говорить. «Живя, умей всё пережить»... Вместе с тобой я переживаю мучения. Помни, что я всегда с тобой. Многие я передумал и перестрадал. Верю в новую жизнь. Тебя и дорогих детей крепко и нежно обнимаю. Любящий тебя Виталий. Никому не говорить».

В июле 1931 года следствие по делу В. А. Гассельблата было завершено. Одновременно с Гассельблатом в застенках ОГПУ оказались ещё семнадцать его «соратников»: Борис Сергеевич Дунаев, Петр Афанасьевич Гирбасов, Владимир Иосифович Тибо-Бриньоль, Иван Филиппович Гергендер, Михаил Сергеевич Волков, Григорий Владимирович Рубинштейн, Александр Александрович Троицкий, Владимир Владимирович Миловидов, Яков Никитич Чупраков, Александр Францевич Тшасковский, Николай

Ильич Папетов, Александр Андреевич Иванов, Михаил Александрович Балакин, Иван Николаевич Шуткин, Дмитрий Александрович Антонов, Игнатий Михайлович Тимошин, Михаил Александрович Соловов. Мало кто из них был связан с Магниткой, но все они были ценными специалистами в своих отраслях производства. И все пострадали по одним и тем же надуманным обвинениям. Невольно приходишь к мучительному вопросу: кому надо было выкашивать и без того редкие ряды российской технической интеллигенции в переломный момент создания социалистической экономики?

В августе тридцать первого года состоялось последнее свидание В. А. Гассельблата с семьёй. В тот же день вынесен приговор – «расстрел с заменой 10 годами концлагеря». В сентябре начался долгий путь до Архангельска. Далее парходом до Печоры. Затем на стареньком пароходике по Печоре и Ижме до Усть-Ухты. Оттуда 12 километров пешком до лагеря. Весь этот долгий путь, проделанный по ноябрьскому и декабрьскому морозу, был обозначен Виталием Алексеевичем на маленькой самодельной карте и записан в потайной дневник – он до конца оставался верен своим привычкам. Изготовил он для себя и миниатюрный табель-календарь, где отмечал проведённые в лагере дни.

Немного не дотянув до своего 52-го дня рождения, Виталий Алексеевич умер от истощения, как записали в лагерном медицинском заключении. Скорее всего, не выдержало основательно надорванное сердце.

Миндихан Котлужкин